

Содержание

Предисловие А.В. Наумова 5

Введение 13

Часть I

Суд над женщинами 17

Глава 1. Тонька-пулеметчица 19

Глава 2. Железная Белла 39

Глава 3. «Мать всех воров» СССР 57

Часть II

Расстрелять молодым 73

Глава 1. Аркадий Нейланд.
Смертный приговор ребенку 75

Глава 2. Четыре истории о смертной казни 93

Часть III

Разгадки страшных тайн 115

Глава 1. «Пала в борьбе с темными силами» —
кто убил Катю Иванцову,
или Мистический памятник в Петербурге 117

Глава 2. Приговор директору школы,
где сгорело 106 детей 129

Глава 3. В СССР жизни людей проигрывали в карты,
или Клуб самоубийц союзного масштаба 143

Глава 4. Первое в СССР дело педофила —
героя войны 151

Глава 5. Последний расстрелянный маньяк:
неизвестные детали дела Фишера 165

Глава 6. Секретное дело Япончика 187

Часть IV

Чужие среди своих.....205

Глава 1. Месть за Высоцкого..... 207

Глава 2. Несостоявшийся Блок 213

Глава 3. От суда советского
к суду российскому церковному223

Часть V

Истории необычных судей227

Глава 1. Безрукий и безногий судья229

Глава 2. Первое дело о заказном убийстве судьи.....245

Приложение. Сонька Золотая Ручка.....257

Вместо эпилога.....275

Предисловие

Книга написана известным российским журналистом и правозащитником, членом Общественной наблюдательной комиссии г. Москвы, членом Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека, обладателем премии «Золотое перо России» Евой Меркачёвой.

О чем эта книга? Она состоит из очерков, посвященных анализу и содержанию судебных уголовных дел советской эпохи. Правда, один из них относится к событиям досоветского времени — это очерк о легендарной «царице» тогдашнего воровского мира Соньке Золотой Ручке, которую воочию видел еще А.П. Чехов во время своей известной поездки на Дальний Восток, воплотившейся в книгу «Остров Сахалин». Так что книга Е. Меркачёвой — это своеобразная хроника судебных уголовных дел именно советского времени. То есть жанр ее можно назвать вполне историческим. Хотим мы или нет (нравится кому-то или нет), но история знаковых для соответствующей эпохи уголовных дел — это своего рода специфическая история нашего государства, народа и общества. Без учета этой истории, которая всегда поучительна (даже если гордиться ею не приходится), немыслимо никакое продвижение вперед, и преодоление на этом пути возможных правоприменительных препятствий (особенно в аспекте реализации законности и исполнения выносимых приговоров) действительно связано с немалыми трудностями. Любое из судебных дел прошлого, привлечших внимание автора, дает содержательную картину преступлений и наказаний того времени, служит яркой характеристикой эпохи — в особенности ее социально-политических и нравственных начал. Содержание этих дел по своей уголовно-правовой и криминологической природе очень разнообразно. Среди

них и судьба изменницы Родины — полиция и палача Тоньки-пулеметчицы, приводившей в исполнение смертные приговоры, которые выносили фашистские оккупанты партизанам и их семьям, включая женщин и детей. И рассказ о Железной Белле, расстрелянной уже в брежневские времена (называвшиеся тогда в программных документах КПСС «развитым социализмом») за экономические преступления в сфере советской торговли (получение и дача взяток). И история Аркадия Нейланда, приговоренного к смертной казни за убийство, совершенное в 14 лет (т. е. приговора явно незаконного). И дело о распространении песен и стихов В. Высоцкого как «порочащих государственный и общественный строй», т. е. как антисоветских. И относительно недавний смертный приговор, вынесенный маньяку по кличке Фишер за изнасилование и убийство 11 малолетних мальчиков. И все остальные дела, о которых пойдет речь в этой книге.

Напомню, что в 2021 г. Е. Меркачёва опубликовала две книги*, в которых в качестве главной темы была обозначена и раскрыта проблема смертной казни (автор пытался убедить читателя в нецелесообразности такого наказания) и «разумных» пределов ограничения свободы лиц, находящихся в исправительных учреждениях и следственных изоляторах. Новая книга специально не акцентирует внимание на этих проблемах, однако тесно связана с ними. Например, в очерке о преступлении 21-летнего Геннадия Балагурова (в ходе разбойного нападения он нанес ранение потерпевшей, которая выжила благодаря тому, что он сам вызвал скорую помощь) приводится обращение к областному суду, приговорившему Геннадия к высшей мере наказания, — 150 работников машиностроительного завода просят не применять к нему смертную казнь. В этом же очерке описано дело 26-летнего водителя грузовика Анатолия Васильева,

* Меркачёва Е.М. Град обреченных: Честный репортаж о семи колониях для пожизненно осужденных. — М.: Альпина Паблишер, 2021.

Меркачёва Е.М. Тесак, Фургал и другие. «Странные» смерти, дела и быт в российских тюрьмах. — М.: Книжный мир, 2021.

которого областной суд приговорил к расстрелу за то, что он, управляя автомобилем в нетрезвом состоянии, допустил ДТП, в результате чего пострадало 15 человек (трое из них погибли). Председатель Верховного Суда РСФСР А. Рубичев внес протест, в котором обратил внимание на то, что квалификация действий Васильева как умышленного преступления была ошибочной, а в связи с этим ошибочен и приговор. Протест был удовлетворен, и виновному назначили наказание в виде лишения свободы на срок 25 лет. То есть уже во времена хрущевской оттепели как трудящиеся (трудовой коллектив машиностроительного завода), так и судья (Председатель Верховного Суда РСФСР) выступили против применения в конкретном случае смертной казни в отношении конкретного же осужденного, что по определению было невозможно в годы, например, Большого террора 1930-х. И причиной этому может быть только одно — в годы оттепели правосознание (общественное и профессиональное судейское) стало другим, изменилось понимание справедливости такого наказания, как смертная казнь.

С содержанием большинства очерков мне удалось ознакомиться еще в газетном варианте (в «Московском комсомольце»), и когда я читал последние из них, мне в голову пришла мысль: было бы неплохо собрать их в самостоятельную книгу. Как читатель с удовлетворением констатирую, что Еве Меркачёвой блестяще удалось это сделать, тем самым продолжив развивать такой газетный жанр, как судебный очерк, всегда влиявший на умонастроение значительной части российского общества. Достаточно вспомнить, например, что Ф.М. Достоевский при работе над романом «Бесы» внимательно изучал газетные статьи, посвященные убийству одного из членов московской террористической организации (нечаевской — по имени ее руководителя) другими ее участниками — по мнению заговорщиков, этот человек мог выдать их полиции. В судебном процессе участвовали видные российские юристы — В. Спасович, А. Урусов, К. Арсеньев и др. С содержанием их высту-

плений в суде автор также был знаком из указанных газетных сообщений. В дореволюционной России XIX в. жанр судебных очерков был достаточно популярен. К нему, например, обращался «король репортеров» В. Гиляровский, а уже в позднесоветские, в том числе и перестроечные, годы в этом жанре писали такие яркие журналисты, как Е. Богат, О. Чайковская, А. Ваксберг. К сожалению, «взбесившаяся» в начале и середине 90-х гг. уже прошедшего XX в. организованная преступность с ее кровавыми разборками (в том числе и между конкурирующими группировками), едва ли не фотографически изображаемыми в столь любимых зрителями ТВ-сериалах, а также ставшие весьма популярными детективы «наших Агат Кристи» привели к потере привлекательности таких сюжетов в журналистике. Поэтому хорошо, что «МК» по-настоящему возродил этот жанр и, благодаря в первую очередь очеркам Е. Меркачёвой, достучался до читателя (т. е. общества) и властей, напомнив о проблемах, существующих в системе исполнения наказаний, — например, о нарушениях прав человека в тюремных заведениях, включая следственные изоляторы и тюремные больницы. Первым результатом стал, как известно из СМИ, законопроект об усилении уголовной ответственности за «пыточные» условия пребывания в указанных пенитенциарных учреждениях.

Эту книгу нужно рассматривать как хронику судебной практики (в том числе как анализ юридического содержания соответствующих преступлений и наказания за их совершение) по уголовным делам советского времени. Но как соединить при этом фактически противоположные идеологии, проявлявшиеся при расследовании и судебном рассмотрении указанных дел? С одной стороны, принцип законности, а с другой... «Лес рубят — щепки летят», «Был бы человек, а статья найдется». Увы, даже прошедшие 100 лет с момента Октябрьской революции и окончания Гражданской войны не смогли устранить сохранившихся в массовом правосознании противоречий отно-

сительно идеологии Красного и Белого движений, характеристики ГУЛАГовской системы наказаний, времен хрущевской оттепели и горбачевской перестройки. То есть задача эта трудная, но решение ее необходимо. Следует вспомнить на этот счет заветы наших великих историков. К примеру, С.М. Соловьева, который в предисловии к своему основному произведению «История России с древнейших времен» утверждал: «Не делить, не дробить русскую историю на отдельные части, периоды, но соединять их, следить преимущественно за связью явлений, за непосредственным преемством форм, не разделять начал, но рассматривать их во взаимодействии, стараться объяснить каждое явление из внутренних причин, прежде чем выделить его из общей связи событий и подчинить внешнему влиянию, — вот обязанность историка в настоящее время, как понимает ее автор»*. Это было написано в середине позапрошлого века, но ни на йоту не потеряло своей актуальности и сейчас, в том числе и для оценки уголовного права различных исторических этапов существования российского государства (досоветского православно-монархического, советского социалистически-атеистического и, наконец, постсоветского). Все эти этапы составляют единый исторический процесс, и оценку им следует давать именно с учетом этого процесса как пути (подчас не прямолинейного) к развитию и прогрессу. Только в этом случае характеристика тех или иных уголовно-правовых актов и идей не окажется выкрашенной в один цвет (либо черный, либо белый), а будет представлять собой богатую цветовую палитру, объединенную исторической предопределенностью и закономерностью исторического прогресса. Идеологические споры в правовой (в том числе и уголовно-правовой) науке, по сути дела, вполне традиционны и продолжают спор славянофилов и западников. Реальное же развитие уголовного законодательства предполагает взаимное влияние на него

* Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Избранные главы. — М.: Олма-Пресс Образование, 2004. — С. 5.

и той, и другой точек зрения. В этом ключе надо толковать и патриотичность историка. Возьмем сферу уголовного право-творчества (в том числе и проблемы наказания). Учет национальных традиций? Непременно. Но до определенных пределов, чтобы не отстать. Учет западного? Там, где нужно, обязательно. Но тоже до определенных пределов — и опять-таки чтобы не отстать (например, техника уголовного закона есть разнообразность техники вообще: не можем же мы из патриотизма всегда клепать «жигули»), но при этом и не перестать быть именно российским законодательством, не оторваться от национальных корней, от «почвы». Очень хорошо об объективности и патриотизме сказал А.С. Пушкин в своем известном письме к П.Я. Чаадаеву: «Я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя; как литератора — меня раздражают, как человека с предрассудками — я оскорблен, — но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог ее дал»*.

Кому хотелось бы адресовать рекомендованную книгу? В первую очередь практическим работникам правосудия и правоохранительных органов — судьям, следователям, прокурорам и адвокатам. Книга поможет им лучше разобраться в законности или ее нарушении при расследовании и судебном рассмотрении любого, даже непростого, дела, проникнуть во внутренний (психологический) мир обвиняемого, установить причины, механизм и мотивацию совершенного преступления и определить адекватное этому преступлению наказание (все это, конечно же, с учетом возможных ошибок, совершенных правоприменителем, в ракурсе рассмотренных в книге исторических уголовных дел). Думается, что полезно с ней ознакомиться и студентам юридических вузов при уточнении определенной позиции уголовного закона (в первую очередь при квалифи-

* Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 16. Переписка. 1835–1837. — М.: Воскресенье, 1997. — С. 393.

кации преступления и назначении за него наказания), его доктринального (научного) и судебного толкования, а также и читателям, хотя и не занимающимся юриспруденцией как профессией, но интересующимся проблемами преступления и наказания, в особенности в этическом плане.

А.В. Наумов,

*доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки
Российской Федерации, лауреат Национальной премии
по литературе в области права*

Введение

Дорогой читатель! Не знаю, держал ли ты хоть раз в руках запыленное уголовное дело, где повествуется о преступлении и преступниках, которые стали почти легендами. Мне посчастливилось — я держала. И хочу поделиться тем, что я там увидела.

Эта книга написана на основе подлинных материалов самых громких и таинственных судебных дел, разбиравшихся в судах нашей страны в основном в советское время. Благодаря доступу к судебным архивам и общению с очевидцами (в рамках совместного проекта с Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации) стало возможно восстановить картину судебных процессов над «царицей воровского мира» Сонькой Золотой Ручкой и «матерью всех воров» СССР Калей Никифоровой, над приговоренной к высшей мере наказания Антониной Макаровой по прозвищу Тонька-пулеметчица и «королевой Геленджика» Бертой Бородкиной (единственной казненной за «экономику» женщиной)... Но в этих материалах женщины встречаются нам не только на скамье подсудимых, куда чаще они — жертвы, в том числе домашнего насилия, которого хватало во все времена.

В книге есть материалы дела единственного расстрелянного ребенка Аркадия Нейланда и последнего казненного в СССР маньяка Фишера, «патриарха криминального мира» Япончика и никому не известного преступника, совершившего первое в СССР заказное убийство судьи. А также многие другие.

Перекинуть мостик в прошлое полезно для осознания того, что происходит сегодня. Ратующие за возврат смертной казни могут изменить свое мнение, прочитав четыре истории молодых людей, приговоренных к высшей мере. Только один из них чудом спасся от расстрела благодаря вмешательству Пред-

седателя Верховного Суда РСФСР, остальные были казнены. Ни он, ни остальные трое не были серийными убийцами или маньяками, их преступления были скорее трагической случайностью, совершенные под воздействием неудачного стечения обстоятельств. Могли ли они искупить вину не кровью? Уверена, что могли. Тогда почему столь суровы были судьи и руководство страны (именно оно ужесточало ответственность, делая все больше статей расстрельными)? Есть ли этому иное объяснение, кроме того, что так власть боролась с ростом преступности? И почему подобное происходило, даже если общество требовало помилования, как произошло с молодым рабочим советского завода Генной Балагуровым?

Особый интерес у меня вызвали истории малоизвестных антисоветчиков: кто были эти люди и как власть того времени боролась с ними? Уехать в лагерь в 1960–1980-е гг. можно было даже за... сборник стихов Высоцкого. Надо сказать, что не всегда дело ограничивалось распространением запрещенной литературы: отдельные антисоветчики объявляли голодовку и пытались совершать теракты... Как перевоспитывали этих бунтарей в советские годы и что стало сегодня с теми из них, кто еще жив? Ответы на эти вопросы вы тоже найдете в книге.

Работая над ней, я не только изучала материалы дел, в результате чего по каждому из них у меня сформировались объемные досье (выдержки из них приводятся в тексте), но и искала следователей, потерпевших, свидетелей, бывших работников судов, которые могли быть участниками тех процессов. Понятно, что большинство из них не дожили до наших дней, и все же мне часто везло. Я также привлекла к осмыслению и анализу приговоров экспертов — действующих судей, юристов, адвокатов. Многие истории в этой книге сопровождаются комментариями, которые они дали во время наших с ними бесед. Я также постаралась сделать книгу как можно более наглядной, проиллюстрировав ее множеством редких фотографий, на которых можно увидеть не только подсудимых,

но и места совершения преступлений, протоколы допросов и написанные от руки приговоры.

Изучая собранные материалы, я обратила внимание на интересную деталь: самые сложные дела советский суд рассматривал всего несколько дней, редко — недель. Как считает бывший прокурор Управления по надзору за рассмотрением уголовных дел в судах Прокуратуры СССР, экс-начальник Управления юстиции г. Москвы Юрий Костанов, в то время руководствовались принципом, что дело нужно расследовать и рассмотреть максимально быстро. Пока судья не вынес приговор, он был не вправе начинать другой процесс. Сегодня и следователи, и суды часто ведут несколько дел одновременно, в итоге это может отразиться на качестве — пропущенных нестыковок, ошибках в фамилиях потерпевших и т. д., что с такой нагрузкой неудивительно. Есть и другая сторона, техническая — сейчас проводится намного больше экспертиз, а это требует времени.

Эта книга, повторяюсь, — результат совместного проекта с Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации. Я хотела бы выразить благодарность его сотрудникам, а также работникам пресс-служб и представителям судов в регионах.

Часть I

Суд над женщинами

По статистике, женщины преступают закон примерно в 6-10 раз реже, чем мужчины. В советские годы лишь около 11% от всех видов преступлений было делом их рук. В современной России этот процент повысился до 16. Когда те, кому сама природа доверила создавать и сохранять жизнь, готовы отнимать ее у других, обманывать и воровать — это тревожный сигнал всему обществу.

Женская преступность обусловлена прежде всего социальным положением слабой половины человечества, то есть самим устройством общества (хотя бывают и исключения). Преступный мир не признает женщин в качестве авторитетов (но и тут бывают исключения). В любом случае, если о криминальном пути женщины слагают легенды, если ее имя становится символом зла или преступной удачи, важно знать, как все было на самом деле. Это позволит, с одной стороны, не демонизировать или, наоборот, героизировать ее образ, а с другой — понять ее истинные мотивы, выявить те социальные проблемы, которые толкнули ее на путь преступления, и, возможно, найти способы их решения.

Глава 1

Тонька-пулеметчица

Антонина Макарова
в молодости

Одной из последних приговоренных в СССР к смертной казни женщин стала Антонина Гинзбург (девичья фамилия Макарова, урожденная Панфилова). Жизнь Тоньки-пулеметчицы (именно так ее прозвали) — это история чудовищной лжи. В послевоенные годы на уроках мужества в школах Гинзбург рассказывала подрастающему поколению о своей героической фронтовой судьбе, о том, как она, будучи медсестрой, спасала раненых, как прошла вместе с бойцами от Москвы

до Кенигсберга... И только спустя 30 лет свидетели опознают в ней палача, расстрелявшего не менее 1500 человек.

О Тоньке-пулеметчице написано много, но правдиво ли? Некоторые авторы не смогли удержаться от соблазна наделить Гинзбург чертами, которые ей не свойственны, описать яркие эпизоды, которые в реальности места не имели. А вот о том, что было на самом деле, рассказывалось далеко не все, потому что эти подробности долго никому не были известны. Остались за «кадром» и ответы на важные вопросы: как вела себя и что говорила Антонина Гинзбург на суде и следствии? Нашлись

хоть какие-то аргументы в ее оправдание? И законен ли был сам смертный приговор?

ИЗ ДОСЬЕ АВТОРА:

Антонина Панфилова (она же Макарова) с 1941 по 1943 г. официально работала сначала в полиции поселка Локоть, потом в местной тюрьме. Тонька-пулеметчица приводила в исполнение массовые смертные приговоры. Расстреливала она не только партизан, но и их семьи, включая женщин. Когда немецкая часть снялась с поселка Локоть в июле 1943 г., уехала вместе с ней. Попала в лагерь, где работала на заводе сварщицей (полтора года варила кухонные котлы). После освобождения лагеря Красной армией выдала себя за советскую медсестру. Вышла замуж за сержанта Виктора Гинзбурга и переехала жить в Белоруссию, где ее никто не знал. До 1978 г. находилась в розыске.

Из материалов дела (все четыре тома уголовного дела №50 хранятся в архиве УФСБ по Брянской области):

Гинзбург Антонина Макаровна, родилась 1 марта 1920 года в Москве, образование 7 классов, беспартийная, не судима, пенсионерка. До ареста работала на Лепельском промкомбинате контролером по выпуску готовой продукции, проживала в городе Лепель Витебской области. Награждена правительственными наградами: «Пятьдесят лет Вооруженных сил СССР», «Двадцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «Тридцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» и другими.

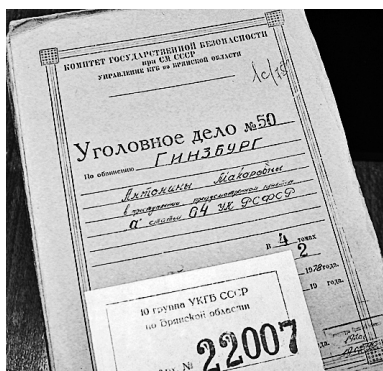

Антонина Гинзбург во время ареста

Антонину Гинзбург арестовали 2 июня 1978 г. в Белоруссии. К тому времени ее все знали как фронтовичку, жену героя войны, мать двух дочерей, которые искренне ею гордились. Обвинение по 64-й статье УК РСФСР «Измена Родине» шокировало всех, кто был с ней знаком в последние 30 лет. Но точно не саму Гинзбург, которая не пыталась бежать, даже не сопротивлялась. Ее сразу доставили в Брянск и поместили в местный СИЗО.

Следствие было недолгим — около пяти месяцев. Из СИЗО Антонина Гинзбург ни строчки не написала ни мужу, ни двум взрослым дочерям. Не было у нее и ни одного свидания с ними, потому что ни она, ни родственники не просили об этом.

Материалы дела поступили в Брянский областной суд 28 октября 1978 г. А уже 10 ноября этого же года Гинзбург предстала перед председательствующим Иваном Михайловичем Бобраковым и двумя народными заседателями. Представьте себе пожилую женщину со следами бывлой красоты и холодными глазами (так ее описали участники исторического заседания),

Так выглядело уголовное
дело Антонины
Макаровой-Гинзбург

сидящую в отгороженной части зала (клеток в судах тогда не было).

— Гинзбург была на удивление спокойная, — рассказывает представитель Брянского областного суда. — К тому времени она уже на допросах все рассказала, так что на суде ей просто нужно было подтвердить эти показания. Волнения на ее лице заметно не было. Предполагали даже, что

для нее арест стал своего рода облечением — трудно было хранить свою страшную тайну столько лет.

Многие убийцы на суде признавались, что ждали своего разоблачения и даже молились о нем. Но вряд ли это касается Антонины Гинзбург. Призналась она только потому, что понимала: доказательств ее вины слишком много и они неоспоримы, ведь живы свидетели ее расстрелов; более того — они перед ней.

— Судебный процесс проходил в здании Брянского областного суда при усиленных мерах безопасности, — продолжает мой собеседник.

— Процесс был открытым. И на каждом заседании зал был заполнен до отказа.

Передо мной документы, где тщательным образом зафиксировано все происходящее. Начался процесс с допроса. Говорила Гинзбург четко и спокойно, все обратили внимание, что речь у нее грамотная. Секретарь суда Наталья Маслюк едва успевала стучать по клавишам пишущей машинки, чтобы ни одно из произносимых слов не потерялось. Она вспоминает, что была тогда почти в шоке от всего услы-

шанного: «Было ощущение, что я нахожусь в том времени и присутствую при казнях».

Первая жизнь Макаровой: вязальщица и санинструктор

Мой отец Панфилов Макар в 1940 году покончил жизнь самоубийством — он был алкоголиком. Моя мать Панфилова Евдокия умерла уже после войны, лет 20 назад. Я в семье старшая, у меня три сестры и три брата.

Судя по словам Гинзбург, один из братьев стал полковником, одна из сестер работала в воинской части. На суде их не было, и вообще они ничего не слышали про нее много-много лет. Сложно даже представить, какой страшной трагедией было для них перевоплощение «блудной сестры» в роль палача и предателя Родины.

Антонина рассказывала про свою **первую жизнь**. Про то, как ей в школьные годы ошибочно приписали фамилию «Макарова»

Фото Антонины Макаровой из материалов дела

(по отчеству ее отца), как она была вязальщицей на трикотажной фабрике, как там частично потеряла зрение и вынуждена была перейти на работу в заводскую столовую.

В августе 1941 года вместе с другими юношами и девушками я была направлена по путевке комсомола на фронт. Мне тогда был 21 год. Я была комсомолкой. Попала в 24-ую Армию, которая стояла в городе Вышний Волочек, в качестве санинструктора. Закончила курсы Красного Креста.

Но в армии она была не санитаркой, как ошибочно писали, а буфетчицей. Потом стала контролером — проверяла пропуска в столовую, где обедали военные. Воинского звания, как уверяла, ей не присвоили, присягу она не принимала, погоны ей не выдали. Рассказала, как немцы разбомбили обоз, в котором она была и который пытался прорваться через окружение, как выжившие прятались в кустах, как она помогала раненым.

Позже при втором прорыве наших войск дом, где я находилась с ранеными, загорелся. Я помогала спасать их вместе с другими санинструкторами. (Дальше шел подробный рассказ про лагерь для военнопленных, в который она попала.) В этом лагере находились и раненые, а так как у меня была санитарная сумка, я оказывала им медицинскую помощь, перевязывала их, кормила, чем могла.

Вряд ли Антонина выдумывала. В этих ее словах ответ на вопрос — была ли она садисткой, проявляла ли жестокость и агрессию, имелись ли у нее психические отклонения. Нет, нет и еще раз нет. И ей не чужды были сострадание и желание помочь ближнему.

В лагере Антонина познакомилась с пленным солдатом Николаем Федчуком, накормила его супом, который сварила

из конины, а он в благодарность предложил сбежать из лагеря. Вдвоем они отправились пешком в деревню Красный Колодец Брянской области, где жила семья Федчука.

В доме у Федчука Антонина провела ночь, так что все рассказы (они встречаются в некоторых СМИ) про то, что он ее бросил еще по дороге, — неправда. Но и жить у себя он ее не оставил. Макарова попросилась на постой к одной местной женщине, та приняла ее, но с оговоркой — на время и без питания.

Вторая жизнь: полицей и палач

Антонина Макарова
в «другой» жизни

Надо было как-то жить, что-то есть, — говорила Макарова на суде. Она не искала сочувствия, а прагматично объясняла мотивы своего преступления: — Меня познакомили с начальником локомотивной полиции Романом Иваниным. Я устроилась туда

работать. При поступлении мне никто не объяснял моих обязанностей. Мне пообещали бесплатное питание, проживание и заработную плату в размере 30 немецких марок. Меня приняли на работу без документов, потому что я потеряла их при бомбежке. Полиции научили меня стрелять из нагана и пулемета. Меня брали с собой на облавы партизан. Партизан мы не встречали. Однажды мне показали, куда я должна стрелять в случае их появления. Неожиданно в том месте выехал на подводе человек, я выстрелила в его сторону. Не попала, потому что пулемет перекосялся. А человеком этим оказался Роман Иванин. Не знаю, почему он был в том месте. Он чуть меня не убил за то, что я в него стре-

ляла. В июле 1942 года я перешла на работу в локотскую тюрьму, которая располагалась в здании конезавода.

Жила Макарова рядом с тюрьмой в двухэтажном доме: на первом этаже располагалась ее комната, которую она делила еще с одной девушкой-медсестрой, на втором — тюремная контора. Гинзбург, по ее словам, не знала, что будет входить в ее обязанности.

Я ходила в тюрьму посмотреть, в каком состоянии заключенные. Условия содержания были плохие: грязно, душно. Там было много больных тифом. На допросах я не присутствовала. Как это получилось, что я сама стала расстреливать людей, я не знаю. Я тогда была молодой, начальник тюрьмы говорил, что немцы взяли Москву, что теперь везде будет немецкая власть. И я поддалась этой агитации. Встала на путь предательства.

— Важно понимать особенность этого места, — говорит представитель Брянского областного суда.

— В июле 1942 года на оккупированной нацистской Германией территории в поселке Локоть была создана полуавтономная область, возглавляемая собственной администрацией. «Автономия» охватывала площадь восьми районов, включая Брасовский. В досоветские времена эти земли принадлежали императорской фамилии, а в поселке Локоть находилось имение великого князя Михаила Александровича. Брасовские крестьяне не знали крепостного права, жили в спокойствии и достатке. А Гражданская война и коллективизация привели их к разорению. Это и явилось причиной скрытого недовольства советской властью, вылившегося наружу с появлением немцев (решено было принять их как дорогих гостей). Примерно за две недели до прихода танковой немецкой дивизии в Локте собрались сельские старосты и большинством голосов приняли решение назначить «губернатором Локтя и окрестной земли» инженера завода

по производству спирта Константина Воскобойника, а его заместителем Бронислава Каминского. Вскоре Константин Воскобойник был утвержден в должности обер-бургомистра всей «Локотской волостной управы», которая увеличилась впоследствии до округа, имела отряд «местной самообороны». Локотские власти обеспечивали немецкие войска продовольствием, во всем им помогали.

ИЗ ДОСЬЕ АВТОРА:

НКВД предпринял операцию по уничтожению Воскобойника, которого считал идейным врагом. В ночь на 8 января 1942 г. партизаны напали на казарму народной милиции Локотской республики и дом бургомистра. Воскобойник был убит. Его место занял Бронислав Каминский, который велел ловить и расстреливать партизан и сочувствующих им.

Сначала начальник тюрьмы Иван Григорий посылал меня смотреть, как расстреливают заключенных, — продолжала Антонина. — Я не хотела ходить, но меня обязывали. Первое время на расстрелах присутствовало и гражданское население. Немцы специально устраивали такие показательные расстрелы, по-видимому, с целью уstrasшить население. Мне неизвестно, насильно ли собирали немцы людей на публичные расстрелы.

Как Макарова начала свою «карьеру» палача, кого именно расстреливала и что при этом чувствовала? У нас с вами есть уникальная возможность услышать ее рассказ, чтобы больше не осталось никаких домыслов.

Впервые я расстреляла в поселке Локоть четверых человек в начале лета 1942 года, где-то в июле. Мне приказал расстрелять этих людей начальник тюрьмы. Я согласилась, так как мне некуда было деться, потому что

в противном случае меня тоже могли расстрелять... Пулемет постоянно находился на хранении в караульном помещении, закреплен он был за мной. Пулемет на подводе повезли по направлению к локоотскому кладбищу, к большой яме. Говорили, что ранее в этой яме местные жители брали глину. Когда пулемет доставили к месту расстрела, его сняли с подводы, и я поставила его на указанном мне месте. Чуть позже полицейские привели заключенных — четырех мужчин, они были в нательном белье, руки у них связаны. Были ли они молодыми или пожилыми, трудно сказать, так как все были грязными, небритыми, избитыми. Обреченных поставили лицом к яме, начальник тюрьмы дал команду: «Огонь!», — и я застрочила из пулемета по этим людям. Из пулемета строчила недолго, всех узников я убила. Пулемет от них находился на расстоянии 12–15 м. Расстрелянные упали в яму...

Я помню расстрел заключенных локоотской тюрьмы 14 июля 1942 года. Среди обреченных был старик Зайцев Григорий Дмитриевич, его приговорили за связь с партизанами, он доставлял им продукты... Так же, как и в первом случае, подогнали подводу, на нее погрузили пулемет, и отвезли к месту расстрела на кладбище, и потом привели заключенных человек 26–27 (точно сосчитать я их не могла, да я и никогда не считала обреченных). Все они были раздеты, избиты, руки у них были связаны. Их поставили около ямы спиной ко мне. Начальник тюрьмы дал команду: «Огонь!», — и я снова застрочила из пулемета. Обреченные не разбегались, потому что были связаны между собой. Да и место было такое, что бежать было некуда: кругом поле.

Расстреливая из пулемета, я присаживалась на корточки, не прицеливалась, просто наводила ствол в сторону обреченных и стреляла. Как я попадала в цель,

не знаю. Обреченные не кричали, не плакали, не просили пощады, только Зайцев перед расстрелом запел какую-то песню...

...Я помню случай, когда в октябре 1942 года я расстреляла три группы заключенных. Я слышала, что это артиллеристы Каминского, они хотели перейти к партизанам, но их кто-то предал, и всех арестовали. Все они были избиты, потому что их допрашивали. При расстреле присутствовали и комендант тюрьмы, и начальник конвоя, и немецкие офицеры... Все обреченные упали в яму, но не все сразу были убиты. В яме раненых пристреливали из наганов немецкие офицеры. Я тоже подошла к яме и пристрелила из нагана двоих или троих. Почему я это сделала — не могу объяснить. Я не старалась выслужиться перед немцами, и злости у меня на обреченных не было. Раненые, которых я и другие пристреливали, о пощаде не просили. Они просили лишь побыстрее добить их, чтобы не мучиться...

...Я помню эпизод расстрела весной 1943 года 30 человек, среди которых были четыре молодые женщины. Женщины были арестованы за связь с партизанами. Их фамилий не знала. Мне было лишь известно, что они проживали где-то недалеко от Локтя. Мужчин к месту расстрела доставили пешком, а женщин на подводе, потому что они не могли идти, так как были сильно избиты, кричали. Я шла сзади повозки, но не принимала участия в их конвоировании, шла просто так. Пулемет уже увезли на подводе к месту расстрела раньше. Потом из тюрьмы вывели еще группу женщин для устрашения, а после расстрела обреченных этих женщин снова загнали в тюрьму. По команде начальника конвоя я расстреляла эту группу обреченных, в том числе женщин, из пулемета. Расстреляла всех. Я запомнила, что перед расстрелом одна кричала: «Прощай, сестра, больше не увидимся!»

Она кричала своей двоюродной сестре, которая тоже находилась в локотской тюрьме в заключении, и ее вывели смотреть этот расстрел...

...Садясь за пулемет, я всегда поправляла волосы, так как у меня была короткая стрижка, волосы падали на глаза, и я откидывала их...

...После первого расстрела я чувствовала себя очень плохо, а потом привыкла или не привыкла, а просто смирилась. Заставляли, и я делала.

...После расстрелов настроение было паршивым. Было очень тяжело, так как я переживала, но тем не менее соглашалась в следующий раз расстреливать заключенных. В свободное от расстрелов время я подрабатывала у немцев — стирала им белье. Они собирались уезжать, и я ждала, когда же они уедут, потому что хотела вместе с ними, так как мне все надоело.

На суде Антонине задавали много вопросов. Вот ответы на некоторые из них:

«Я не думала тогда о том, что мне придется отвечать перед законом. Если бы у меня был такой разум, как сейчас, я бы так не поступила».

«Я не думала о том, чтобы перейти к партизанам, так как замарала свои руки кровью советских людей и боялась, что партизаны накажут меня».

«Я не могу объяснить, почему я согласилась расстреливать даже женщин, ведь я сама женщина. Никаких причин ненавидеть советских людей у меня не было».

«Я не забывала никогда о том, что я расстреливала советских людей. Просто иногда забывалась среди семейных забот».

«Я не могу пояснить, как я относилась к расстреливаемым мною советским людям. Иногда сочувствовала

Тонька-пулеметчица
во время следственного эксперимента

им, но ничем не могла помочь, так как своя жизнь была дороже».

«Да, мне известно, что жители поселка Локоть меня звали Тоней-пулеметчицей».

Главным потерпевшим по делу выступал Александр Поляков:

Я опознаю подсудимую Гинзбург по ее носу, остальные черты ее лица не помню. С подсудимой Гинзбург произошла встреча примерно летом в 1942-м. Я находился тогда в камере локотской тюрьмы (просидел там с 1941 года по 1943-й). Кроме меня в камере было человек 60–70. Я лежал на полу прямо около входа, когда днем отворилась дверь и вошли двое полицейских и подсудимая Гинзбург. Она была одета в форму советского военнослужащего. На ней были берет, гимнастерка, юбка, кирзовые сапоги, на ремне оружие. До заключенных нашей камеры доходили слухи, что Тоня расстреливает советских людей — узни-

ков локотской тюрьмы. Все так и говорили, что есть тут одна сволочь — Тоня-пулеметчица. Все заключенные ее боялись.

Двое полицейских затащили за руки в камеру человека в военной одежде. Он был сильно избит. Полицейские бросили этого мужчину на пол. И тут Гинзбург сказала, увидев меня: «Ах, какой симпатичный юноша!», — и вытащила из кобуры или пистолет, или наган, ударила меня оружием по голове в затылок. Я упал, и она ударила меня ногой по телу. Я потерял сознание. Сокамерники отпоили после меня водой. После этого случая у меня болела голова, появилась глухота. Большие подсудимую Гинзбург я не встречал и не видел.

...На предварительном следствии мне предъявляли для опознания Гинзбург. Я ее сначала не узнал, так как тогда она была худенькой. Но я опознал ее по носу. Опознаю я подсудимую Гинзбург и в суде в лицо.

Я помню, что ранее у нее была фамилия Макарова, о себе говорила, что она москвичка, хвасталась этим, говорила, что служила в Советской армии. Я помню, что она курила. У нее была верхняя губа тонкой, а нижняя толстой. Мне было известно, что Тоня-пулеметчица была жестокой, заходила в камеры, избивала заключенных ногами и пистолетом. Я слышал, как она говорила: «Вас, коммунистов, надо всех расстреливать и вешать!»

Антонина Гинзбург, слушая Полякова, немного нервничала. И в ее ответе впервые появились какие-то эмоции:

Я в камеру военнопленного не втаскивала и не избивала такового. Потерпевшего Полякова я тоже не била. Не знаю, почему он на меня показывает об этом. Все, что было сделано мною, я признала. То, чего не совершала, я не признаю. Я не принимала участия в истязании заклю-

ченных, и в частности потерпевшего Полякова. Мне нет смысла не признавать этого, так как я признала себя виновной в более страшном и тяжком преступлении.

Я действительно курила в то время, курю и в настоящий момент. Самогонку я никогда не пила.

На суде выступали несколько свидетельниц. Одна из них нянчила детей у некой Тони Ефимцевой:

К ней после расстрелов часто прибегала Тоня-пулеметчица. Она подолгу стояла у окна и курила. На ремне висела кобура. Волосы у Тони были зачесаны назад, коротко стриженные, светлые. Она у нас ничего не ела, но два раза ночевала.

Я опознаю подсудимую Гинзбург — это та самая Тоня-пулеметчица, которая приходила в квартиру Ефимцевой. Тогда она была худенькой, гораздо моложе, но я все равно узнала ее. Однажды, где-то в октябре 1942 года, я видела из окна квартиры Ефимцевой, которое выходило на локотское кладбище, как провели группу заключенных, человек 10–12, раздетых, босых, со связанными руками. Их поставили около ямы, и я видела, как Гинзбург присела около пулемета и расстреляла их.

— Свидетелями по делу были не только мирные жители Локтя и несколько человек, чудом уцелевших после расстрела, но и бывшие полицаи, — рассказывает представитель Брянского областного суда. — Их охраняли с особой тщательностью: для них в суде освобождали отдельные комнаты, вводили в зал заседания не в общую дверь, а через ту, в которую входил судья. Часто после оглашения показаний свидетелей и самой обвиняемой зал взрывался эмоциями. Женщины, свидетели по делу, со слезами на глазах вспоминали о том, как Тонька расстреливала из пулемета молодых солдат-артиллеристов, попавших в плен к немцам в начале войны. Бывшие полицаи

говорили о том, что, служа у немцев, не могли расстреливать своих односельчан, поэтому были рады, что появилась Тонька-москвичка.

Интересны показания одной из женщин, которая описала момент казни и реакцию на происходящее немецкого офицера: «Русских людей расстреливаем не мы, а русская женщина».

После этого, как говорят, зал едва не взорвался от криков. Во избежание самосуда были приняты максимальные меры безопасности (Гинзбург буквально заслонили собой милиционеры-охранники).

Третья жизнь: конец женщины-оборотня

Немалая часть следствия и процесса была посвящена тому, как Антонина Макарова смогла скрыть свою страшную тайну. Сама она рассказывала вот что:

Вместе с воинской немецкой частью я доехала до Бреста. В часть меня взяли стирать белье (я была лично знакома с немецкими офицерами, с ними я конкретно согласовывала вопрос о выезде). Кроме меня в этой части были одна девушка и вольнонаемные мужчины. Когда мы доехали до границы, то всех из обоза отправили в лагерь.

В лагере я работала на заводе автогенной сварки. Я варила бачки для походной кухни полка. После освобождения я попала на пересыльный пункт. В особом отделе меня спрашивали, как я оказалась в лагере. Я ответила, что попала в окружение, а затем в плен. О том, что я была в бригаде Каминского и работала в Локотской тюрьме, я скрыла. С пересыльного пункта я попала в 212-й запасной полк. В этот полк отправляли всех военнопленных или после госпиталя. Там я занималась выписыванием документов для солдат. Потом я пошла в 1-ю Московскую дивизию. Стала работать в полевом

госпитале без оформления на работу, помогала санитаркам. В августе 1945 года и познакомилась с Виктором Семеновичем Гинзбургом. Он лежал в госпитале.

Ну а дальше началась ее обычная семейная жизнь, вполне счастливая. Муж, кстати, до последнего не верил, что Антонина могла совершить какое-то преступление. Когда ему показали ее письменные признания, по слухам, посидел за одну ночь.

После завершения слушаний суд вынес приговор — высшая мера наказания. Следователи КГБ, которые вели это дело, не ожидали, что решение будет таким суровым. Полной неожиданностью он стал и для самой подсудимой.

Когда я ознакомился с материалом этого дела, то рассуждал о доле Антонины Гинзбург, — говорил судья Иван Михайлович Бобраков (в суде сохранилась видеозапись его рассуждений). — Судьба бросала ее то в одну сторону, то в другую. Думал, что женщина могла и случайно оказаться палачом. Мне было жаль ее как мать, как жену участника войны. Но слишком уж страшное преступле-

Антонина Макарова в третьей жизни

ние она совершила. Из полутора тысяч убитых на суде установили имена только 168. Я пришел к выводу, что справедливым решением будет только смертная казнь. Никакой иной меры не вынес бы ни один другой судья.

Приговор был законным. На момент его вынесения еще действовал Указ Президиума Верховного Совета СССР от 4 марта 1965 г. «О наказании лиц, виновных в преступлениях против мира и человечности и военных преступлениях, независимо от времени совершения преступлений». Согласно этому указу, к лицам, которые в период Великой Отечественной войны находились на службе у гитлеровцев, активно участвовали в карательных операциях, принимали личное участие в убийствах и истязаниях советских людей, не применялся срок давности совершения преступления.

Все прошения Антонины Макаровой-Гинзбург о помиловании были отклонены высшей судебной инстанцией. 55-летнюю женщину расстреляли 11 августа 1979 г.

— После вынесения приговора судья Иван Михайлович еще долго получал письма от граждан, — говорит представитель суда. — Кто-то обвинял его в неоправданной жестокости (ведь, по их мнению, у молодой женщины не было выбора, а жить хотелось). Но большинство советских граждан были солидарны с судьей в его решении.

Смертную казнь многие криминалисты считают в большей степени не наказанием, а местью общества. Но в случае с Антониной Гинзбург все гораздо сложнее и тоньше. Это решение было почти философским. Если бы ей оставили жизнь, то фактически признали бы: у нее не было выбора (на чем она и настаивала). А выбор был. Он всегда есть.

ПРОТОКОЛ СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ ПО ДЕЛУ № 10

10 ноября 1978 г. Судебная коллегия по уголовным

делам Брянского областного суда в составе:

председательствующего Бобракова И.М.

судей народных заседателей Ямшиковой Л.К. и Зайцевой Н.В.

с участием прокурора Асеевой Н.А.

судебного прокурора Ланкина К.В.

секретаря Маслюк Н.М.

председательствующий открытого судебного заседания в 10 ч. 00 мин. по делу по обвинению Гинзбург Антонины Макаровны по ст.64 п."а" УК РСФСР

Председательствующий открыл судебное заседание в помещении Брянского областного суда и объявил, какое дело подлежит судебному разбирательству.

Секретарь судебного заседания доложил о явке в суд. Явились: подсудимая Гинзбург, которая доставлена в суд конвоем, прокурор, адвокат, потерпевший Поляков. Свидетели на сегодняшнее число в суд не вызывались.

Председательствующий удостоверяется в личности подсудимой:

Г И Н З Б У Р Г АНТОНИНА МАКАРОВНА,

1 марта 1920 года рождения, уроженка гор.Москвы,

беспартийная, образование 7 классов, не судима, пенсионерка, до ареста работала на Лепельском промкомбинате контролером по выпуску готовой продукции, проживала в гор.Лепель Витебской области, кл.Интернациональная дом 36 кв.9, награждена правительственными наградами, медалями:

"50 лет Вооруженным силам СССР", "20 лет Победы в Великой Отечественной войне", "30 лет Победы в Великой Отечественной войне", Знаком "Двадцать пять лет Победы в Великой Отечественной войне", под стражей содержится с 2 июня 1978 года, копию обвинительного заключения получила 27 октября 1978 года.

Протокол судебного заседания по делу Антонины Гинзбург

